

ДВА РАССКАЗА или два романа? По размеру это рассказы, даже небольшие. По содержанию — романы: многоплановость и многонаселенность, краткие часы долгих, сложных человеческих жизней... Однако Анатолий Алексин поставил в общем заголовке «Ивашова» и «Дневника жениха» («Юность» № 12, 1980): две повести.

Важно ли читателю, разделившему надежды, радости, потери новых алексинских героев, полюбившему унесенных войной Ивашова, Машу и Лялю, узнавшему разлучившуюся с Митей чудесную Любу, в какой прозаической форме созданы эти строки, очень искренние и простые произведения? Начинаешь размышлять (прежде всего потому, что долго не можешь отойти от прочитанного, с ним расстаться) и понимаешь — да, важно! Мы потом еще вернемся — хоть и ненадолго — к литературной теории, а пока заметим: писатель дает нам свои две повести в значении старинном — две истории. Первая история давняя, ее рассказывает Дусенька, школьница военных лет, на чьих глазах свершается гибель самых близких и дорогих ее душе людей. Вторая — нынешняя, ее записывает для себя нерешительный «жених» Митя, потерявший любовь замечательной девушки Любы Калашниковой.

Что общего у сюжетов, разделенных четырьмя десятилетиями времени действия, когда в одном из них идет речь о войне, о смерти, о великой народной победе, а в другом — о жизни сугубо мирной и личной, о поражении в первой юношеской любви? Отчего их автор соединил «под одной крышей»? Ответ дает сам писатель в мелькнувшей строчке «Дневника жениха». Митя Санаев комментирует укор властной тетки, запрещающей ему «ранний брак»: «эпитет «ранний» звучал в ее устах так, будто происходил от слова «ранение».

Глубочайшее понимание юношеской поры человеческой жизни с ее отвагой и незащищенностью, с ее щедрой открытостью и обнаженной прямоотой, а значит, с ранимостью, стоит за этой фразой. Впрочем, только фраза ничего бы не значила, если бы не заключала в себе целый мир алексинской прозы, ставшей перед читателем острой нравственной проблемой уважения к большому чувствам и большой личности юного существа; прозы, исследующей человека в тот героический период его жизни, который определит, каким быть ему дальше. Я не обмолвилась, употребив такой эпитет. Молодость, даже самая благополучная (не говоря уж о молодости, совпавшей с великим испытанием войною), всегда и непременно значительна. Это время пер-

вых определенных чувств: что и кого любишь, о чем мечтаешь, к чему стремишься. А чувства — всегда поступки.

Вот эта героиня в ее начальном смысле и объединяет две новые истории Алексина. Генетическое родство его персонажей, образующих общую «семью», мы обнаруживаем и здесь. Очень схожи обещавшая стать режиссером или академиком, но погибшая в окопе Маша Завьялова и смелая, сильная, благородная Люба Калашникова. Писатель дает нам подробный портрет Машки, будто рассматривает

Алексин дает нам русские интеллигентные семьи, где духовное торжествует над материальным, где родители уважают в своем ребенке человека. И нет сомнения: будь Люба на месте Машки сорок лет назад, она стала бы действовать — жить и умирать — точно так же.

Обращаясь к прозе Анатолия Алексина, я заметила за собой: начнешь рассказывать содержание его сжатых, как пружины, сюжетов, и тебе требуется гораздо больше слов, чем употребил автор. Отчего так? Думая об «Ивашове» и «Дневнике жениха», я поняла

ях». И отвечает: «Видеть глазами то, что у тебя перед глазами».

Не стану и пытаться излагать сюжеты двух новых произведений Алексина. Не оттого только, что это трудно. В пересказе теряется динамика «сжатой пружины»; ведь эта проза чаще всего диалогична, как драматургия, и очень, очень редко — словно бы там, где вовсе не ждешь, — писатель дает пейзаж, описание, авторскую ремарку. Такие средства он употребляет в повести «Ивашова», где картина мирного лета и синего неба контрастна «тупому мертвому равнодушию» летящих на Москву фашистских самолетов; где жесткий мир напряженной тыловой стройки — стена обрушится, и под нею погибнет Ляля — своего рода «подтверждение от обратного» неприятию Ивашова девиза «люблюй ценой». Начальник стройки, которому суждено уйти из жизни в минуты победного салюта, всего себя и все свое отдав Родине, Ивашов говорит: «Для нас закон военного времени — противление злу. Мы не будем при- зывать зло и жестокость, чтобы с их помощью громить зло и жестокость. Нам и их помощь не нужна... Даже в самых нечеловеческих условиях войны постарайтесь остаться человеком».

Благородный, страстный гуманизм — главный постулат творчества Алексина — вот, что, наверное, прежде всего соединяет две новые его вещи: открытая проповедь, не теряющая цветистых метафор, красных эпитетов, самодовлеющих деталей. В «Дневнике жениха», в «Ивашове», как и в недавних повестях «Домашний совет», «В тылу как в тылу», писатель наставляет на главных ценностных характеристиках юношеской литературы: психологизм, краткость, простота.

Итак, два романа или два рассказа? Две повести, автор прав. Не забудем, что повестью назвал Горький такое громадное по объему, такое эпохальное свое творение, как «Жизнь Клима Самгина». Что было критерием? Наверное, корень этого понятия: поведа- тель другим, исповедально признаться, повествовать... Спокойная, «тихая» эпика даже при самых трагических событиях, особая авторская доверчивость к читателю — характер произведения, а вовсе не его размер — определяют принадлежность к жанру. Жанру вечному в нашей литературе: от «Повести временных лет» до «Повестей Белкина», от «Очарованного странника» Лескова до нагибинской повести о маленьком Гагарине. Доверчивость и строгость слова, которое за- ставляет юного заменить абстрактное «понравилось» при- страстным, замечательным «поверилось».

Александра ПИСТУНОВА.

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

Заметки о двух повестях Анатолия Алексина

старую ее фотографию; он любит ее, рассказывает о ее талантах, самоотдаче, храбрости. Это оправдано — ведь Дусенька, от лица которой идет повествование, вспоминает о Маше. А образ Любы в «Дневнике жениха» слагается в нашем воображении без какого-либо авторского описания — Митя записит в дневник слова любимой, ее рассуждения, ее решения и свое ожидание этих решений. И, почти ничего не зная о давних или внешних Любы, мы видим ее в замечательной реплике, поразившей и Митю: «Я никого не люблю так, как маму. И не буду любить. Кто вообще может быть бескорыстнее матери? Она не выберет себе в сыновья ни Моцарта, ни победителя-полководца, а только своего сына, пусть неудачного, пусть даже убогого...»

При столь различных литературных способах лепки человека, как в этих двух историях, писатель достигает одного и того же результата: он говорит о полноценности и глубине, о совершенной нравственной личности, уже сложившейся и потому бесстрашной, побеждающей. Побеждающей в смерти и в разлуке.

Разделенные сорока годами — целой эпохой в жизни нашей страны, — Маша и Люба являются один и тот же юный женский характер, один и тот же социальный тип. Мы видим родителей Машки, их комнату без замка в огромной коммунальной квартире. Больные и стареющие люди, оба уходя на фронт после гибели дочери... Мы только слышали о родителях Любы — в ее слове о матерях, в ее репликах о родном доме в Костроме, где «мало места». Генезис одинаков — снова

наконец причину этой странности. Писатель говорит о судьбах и событиях, а ты берешься объяснить, что именно тебе стало понятно после чтения. А понятно становится многое и сокровенное. Ты сравниваешь прочитанное с известным тебе из опыта, проецируешь алексинские образы на конкретных, тобою знакомых людей, чувствуешь, как мягкая дружеская рука направила тебя к лучшему. Не навязывая выводов, не предлагая суждений, представ то девушкой, то мальчишкой, то старой женщиной, то паренком, — словом, перевоплотившись, как это положено в искусстве, Анатолий Алексин продолжает говорить с тобою, когда уже давно прочитана последняя страница... Вот почему нужно так много слов, чтобы пересказывать содержание этой прозы: яркий узенький луч «кинопроектора» направлен на широкий экран нашей жизни.

«Тебе понравилось?» — спросила я девушку возраста Любы и Машки, читавшую «Юность» № 12. Гордый интеллект отверг пустой вопрос. «Понравилось? Это слово не годится. Мне поверилось, увиделось. Митя, его тетка, Люба — я их знаю. А Маша и Ляля, Ивашов — их, наверное, видели вы».

Видела? К сожалению, нет. Когда эти люди отдавали себя для Победы, я была очень маленькая. О них, об их подвиге говорили в моем детстве, отрочестве, юности... Говорят и пишут до сих пор. Отыскивая след этих прекрасных, часто безымянных жизней, мы меняемся, становимся выше. А «поверилось и увиделось» в самом деле лучше, чем «понравилось». «Что самое трудное?» — спрашивает Гете в «Смирных ксеи-